

**Dimitris Vardoulakis, *Stasis Before the State:
Nine Theses On Agonistic Democracy***

New York: Fordham University Press, 2018, 153 pp.,
ISBN 9780823277407

Василис Ламбропулос

*Почетный профессор К. П. Кавафиса,
Университет Мичигана, Факультет классических исследований и
факультет сравнительного литературоведения
435 S State St, Ann Arbor, MI 48109-1003
E-mail: vlambrop@umich.edu*

**Агонизм как форма политического: между
демократией и суверенитетом**

В последнее время создается впечатление, будто демократия постепенно приходит в упадок. Утрата иллюзий по поводу демократического проекта, связанная с очередным проигрышем на выборах или провалом протестных выступлений, вызывает негативные реакции различного толка: от «левой меланхолии» до «афро-пессимизма». В своей яркой книге «Стасис прежде государства: девять тезисов об агонистической демократии (2018)» Димитрис Вардулакис утверждает, что диалектический подход к пониманию демократии, которому не свойственно настолько глубокое разочарование в демосе/народе, способен вернуть к жизни позитивный взгляд на ее состояние. Следуя этой линии рассуждений, Кьеца ставит три основных вопроса, которые очерчивают поле исследования данной книги. Первый из них подробно рассматривается на протяжении всего текста, тогда как остальные два открывают пространство для дальнейших исследований.

Когда демократия и суверенитет противопоставляются друг другу и рассматриваются в качестве альтернатив, начинает казаться,

что во многих регионах мира демократия утрачивает свою силу. Более того, ее консервативные оппоненты вроде Карла Шмитта настаивают на том, что суверенитет практически непоколебим, так как демократические угрозы, предположительно исходящие извне, могут лишь вновь подтвердить его приоритет. Однако, если демократия и суверенитет полагаются «различными, но не разделенными» (10), то они не исключают друг друга и не являются несовместимыми, а сходятся в агонистическом отношении. Вардулакис оборачивает этот вызов демократической власти в ее пользу, подчеркивая, что демократия — это «условие возможности суверенитета» (26), предполагаемое им же самим и при этом ведущее с ним борьбу (3).

Вардулакис решительно (стасически?) задействует греческое слово *стасис* (которое означает внутренний конфликт и внутреннее противостояние) для описания отношений между демократией и суверенитетом. Этимология и узус термина «стасис» образуют два семантических кластера, отсылающих соответственно к подвижности и неподвижности, которые соответствуют стабильности суверенитета и движению демократии. Эти два кластера имманентны друг другу, и в то же время являются взаимообуславливающими. Суверенитет не может апроприировать и нейтрализовать демократию, поскольку она не только внутренне присуща суверенитету, но и предшествует ему. Стасис именуется борьбу между ними, конфликт статического и эк-статического. Он «основа любых политических механизмов» (11), он «фундирует всякий политический праксис» (121) и обуславливает потенциальные формы агонизма между демократией и суверенитетом (Такое понимание стасиса у Солона может быть далее разработано при помощи параллельного чтения досократических понятий, связанных между собой: *эрис* Гесиода, *полемос* Гераклита и *нейкос* Эмпедокла).

Вардулакис разворачивает непростое, герметичное рассуждение о стасисе. Он работает с несколькими парами категорий, соответствующими базовой диалектике демократии и суверенитета: подвижность и неподвижность, *potentia* и *potestas*, учредительная и учрежденная власть, разъединенность и единство, демократический конфликт и структурное насилие, воля народа и аппарат государства, сопротивление и стабильность, революция и институция, кризис и исключение, суждение и оправдание, критика (*de-justification*) и легитимация. Одним словом, он перерабатывает категории становления и бытия с целью показать, что они взаимно конституируют и предполагают друг друга, но при этом понятие «становление» первично. Не призывая любой ценой устранить насилие, сопутствующее суверенитету, Вардулакис использует строгий деконструктивистский подход, в каждом случае подчеркивая наличие избытка или прибавки. Так он утверждает, что суверенитет подразумевает

стасис/конфликт, отсюда продуктивность их соотношения: если их «или-или» понимается инклюзивно, то необходимости в преимуществе одной из позиций нет.

Суждение/*krisis* — это модус агонистического участия в кризисе/*krisis* стасиса. Это «ситуативная деятельность» (60), ставящая под вопрос те или иные политические обстоятельства (89) путем занятия определенной позиции. Участие в агонизме задействует суждение одновременно в качестве оправдания и критики (*de-justification*), де-легитимации и ре-легитимации. Оно дает возможность ре-артикулировать вместе природное, социальное и политическое (119). Более того, суждение, согласно которому другой есть необходимый соперник, «наслаивает друг на друга экзистенциальные вопросы, этическую проблематику и политическую практику» (71). «Агонистический партнер» является «частью идентичности каждого» (74). Учредительная власть «находит свое место» (75) в агоне, где Другой становится политическим понятием с соответствующими «этическими и онтологическими импликациями» (75). Никто не соревнуется в одиночку или в пустом поле. «Стасис раскрывается в различных отношениях с законами, институтами и правительством. Это деятельность сообща, стояние вместе, буквально конституция» (93). Становление — это бытие-вместе с соперником.

Займствуя у Николь Лоро понятие «основополагающего забвения», существовавшее в древних Афинах, Вардулакис высказывает предположение, что установленная стабильность и приостановка стасиса в государстве «основаны на *забвении политического как такового*» (103), то есть на забвении изначальной разделенности и агонистического отношения (107), а еще точнее, демократической подвижности, являющей собой условие возможности суверенитета. С другой стороны, если стасис понимается одновременно как суверенитет/государство и как демократия/революция, то, вместо того чтобы бороться за окончательную победу одного над другим, следует принять и культивировать их агон. Однако, поскольку следствием конфликта становится кризис (57), есть вероятность, что политическая общность и политика будут активно поддерживаться в кризисном состоянии (что представляется довольно безрадостной перспективой). Это выступало бы гарантией того, что конфликт/стасис никогда окончательно не угаснет. Возможен и иной вариант: если стасис означает борьбу между учреждающим и учрежденным, можно задуматься о том, не представляет ли собой (временная) победа последнего поражение демократии, и в какой мере (конституированное) государство может быть полностью, институционально (а не только внутренне) демократическим.

Вардулакис многократно подчеркивает потенциальный и подвижный характер стасиса, в то время как его вторая сторона, связан-

ная с актуальной властью и стабильностью, его едва ли интересует. Поскольку Вардулакис сосредотачивается скорее на самом политическом, нежели чем на форме политического устройства, такие идеи как гегемония Грамши, конституция Арендт, институция Касториадаса или правительственность Фуко в книге отсутствуют. Все это выглядит так, будто бы функция демократии заключается в несогласии, а не в правлении, а смысл суждения — в сопротивлении, а не в создании законов; ведь от народа не ожидается, что он будет управлять своими собственными делами. Поток становления несомненно присущ состоянию бытия, но, несмотря на его онтологический приоритет, этот поток представляется политически второстепенным и реактивным.

Вардулакис подчеркивает первостепенное значение демократии в политическом статусе, что весьма ценно. Однако, из утверждения о том, что демократия есть «единственное учреждение (*constitution*)» (4), что вне ее ничего нет, и что она есть «учредительная форма всякого режима власти» (107), может следовать, что любая политика (в том числе, скажем, тираническая) имеет демократическую основу или демократические предпосылки. К тому же тезис о том, что демократия «несводима к актуальной или потенциальной форме режима власти» (120) и представляет собой, «бесконечную задачу» (121), скорее, приближает ее к отложенной политике (подобной «еще не» у Блоха, «грядущему» у Деррида и «мессианскому царству» у Агамбена), нежели к управлению.

Вероятно, продуктивнее было бы мыслить демократию еще и как нечто подлежащее институционализации, организации и развиту. Автор напоминает, что значения латинского слова *constitutio* (так Цицерон переводит *stasis*)

отсылают к занятию позиции (*taking a stand*), задействующей других таким образом, который должно понимать в качестве условия возможности институтов и различных форм государственного правления. <...> Стасис раскрывается в многообразных отношениях с законами, институтами и правительством. Это общая деятельность, стояние вместе (*standing together*), буквально конституция (93).

Солон ввел известный «закон о статусе» (радикально новую интерпретацию которого предлагает Вардулакис), а также создал знаменитую элегию об *эвномии*, благом правления. Ранее я писал (Lambropoulos 1997), что *эвномия* — это этико-политический принцип гражданского действия и солидарности граждан. Этот принцип опирается на уважение к оппоненту (*deliberative respect*) и коллективное уважение по отношению к агонистической борьбе политических

сил, принцип, оберегающий от разногласий, раздора, несправедливости, пресыщенности и глупости.

Наше понимание управления может стать полнее, если мы будем видеть работу политического суждения не только в критике структурного насилия государства (64) и осуществлении «агона между демократией и суверенитетом» (77), но и в принятии одной из сторон. Суждение не только утверждает контингентность жизни, но и участвует в агоне самой агоры. Оно занимает чью-то сторону в полемосе полиса, утверждая и продвигая соответствующие ценности. Слово «агон» означает одновременно собрание и состязание. Оно отсылает к специфическому сборищу, основной функцией которого и является проведение состязаний. Агон собирает полис и упорядочивает политику через соревнование. У любого агона один исход: кто-то побеждает, а кто-то проигрывает. Прежде агона — победа, и без победы нет агона: состязающиеся сходятся, чтобы победить. Это прекрасно знал Шмитт — в отличие от Вальтера Беньямина, которого интересовало только искупление.

Димитрис Вардулакис — доцент факультета философии в Университете Западного Сиднея. Благодаря своей исследовательской активности, преданности делу и готовности к совместной работе, он создает значительный корпус трудов по политической теории, который полезен многим коллегам, занятым в различных областях. Как ученого, работающего в области сравнительного литературоведения, главным образом интересующегося идеей революции в современной трагедии, меня впечатлили исследования Вардулакиса, посвященные драме и прозе. «Стасис прежде государства» — это переходная книга между такими работами как «Суверенитет и его иное: к отвержению насилия (2013)» и «Насилие и демократия» (в данный момент готовится к изданию). Эта книга завершает теорию стасиса, составляющего онтологию политического (Вардулакис также употребляет в качестве синонима слово *кратос* — еще один принципиально важный греческий термин). Книга «Стасис прежде государства» дала мне обильную пищу для размышлений, и я с нетерпением жду развития предложенных в ней радикальных изысканий.

Перев. с англ. Георгия Копылова

Библиография

- Lambropoulos, Vassilis. "Justice and Good Governance: Solon's Eunomia Elegy." *Thesis Eleven* 49 (May 1997): 1–30.
- Vardoulakis, Dimitris (2013). *Sovereignty and Its Other: Toward a Dejustification of Vlence*. New York: Fordham University Press.
- Vardoulakis, Dimitris (forthcoming). *Violence and Democracy*.